

Михин О.В., аспирант, Российский государственный гуманитарный университет. (Россия).

ВОСПРИЯТИЕ В МЕЖВОЕННОЙ ПОЛЬШЕ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА ОСВОЕНИЯ КОЛОНИЙ ПЕРЕСЕЛЕНЦАМИ ИЗ МЕТРОПОЛИИ

Польское общество, известное переселенческими традициями, проявляло большой интерес к иностранному опыту миграции в заморские владения. Рецепция во Второй Речи Посполитой зарубежного опыта переселенческой колонизации особенно хорошо прослеживается в текстах деятелей Морской и колониальной лиги. Это была массовая проправительственная организация, целью которой являлось утверждение Польши в качестве морской державы. Внимание авторов Лиги привлекли практики индивидуального и массового переселения европейцев в африканские колонии. Индивидуальная миграция характеризовалась переселением в колонии небольшого числа колонистов, зачастую профессионально подготовленных. Массовая миграция предполагала освоение колоний многочисленными крестьянами из перенаселенной сельской местности, преимущественно без какой-либо специальной подготовки к ведению сельского хозяйства в африканских условиях. Сторонники польской морской экспансии интересовались эмиграцией в бельгийское Конго, португальскую Анголу, французские Мадагаскар и Алжир, итальянскую Ливию. На оценки опыта зарубежных стран влияло не только освоение ими заморских территорий, но и отношение к польским колонизационным планам. Особый интерес деятели Лиги проявляли к проектам польского освоения Анголы и Мадагаскара. Наиболее благожелательно в межвоенной Польше воспринималась переселенческая активность фашистской Италии.

Ключевые слова: Польша, межвоенный период, Морская и колониальная лига, эмиграция, колонии, Африка

DOI: 10.22281/2413-9912-2025-09-04-57-71

Введение. «В последнее время расширение нашей эмиграции и продемонстрированные несомненные колонизационные способности нашего крестьянина обозначили нам новое поле культурной экспансии, открыли нам далекие горизонты за океаном <...> где-нибудь на берегу южной Атлантики, в бразильских пущах...» [12, s. 146–147] Эти слова принадлежат лидеру польской эмиграции Роману Дмовскому. В начале 1900-х гг. он полагал, что колонизация заморских территорий может быть полезной для польской нации.

Источником вдохновения для Дмовского послужил опыт колониальных империй. Он ориентировался на Британскую империю, которая благодаря своей экспансии смогла проявить национальный дух британцев [12, s. 132–134]. Утратившая колонии в Латинской Америке Испания, напротив, была негативным примером. Дмовский полагал, что испанцам следовало упредить связи со

«старыми колониями» для создания «второй, более обширной родины из всего испаноязычного мира, который когда-то основала Испания» [12, s. 136–137].

Пример Дмовского свидетельствует, что перспективы польской эмиграции тесно связывались с опытом колониальных империй. Большое внимание к переселению иностранных граждан в колонии уделялось и в межвоенный период, когда эта проблематика анализировалась деятелями Морской и речной лиги (позднее Морской и колониальной лиги). Это была влиятельная массовая организация, тесно связанная с руководством Второй Речи Посполитой. Лига занималась пропагандой и реализацией проектов польской морской экспансии, в том числе переселенческой колонизацией. Проекты колонизации заморских территорий польскими крестьянами были актуальны в связи с социально-экономическими проблемами села [3].

С середины 1920-х гг. вслед за Дмовским разрабатывались проекты переселения польских эмигрантов на территорию Бразилии. Речь шла о таких бразильских штатах, как Парана, Санта-Катарина и Риу-Гранди-ду-Сул. В основном деятели Лиги проявляли интерес к колонизации Параны, поскольку этот штат со второй половины XIX в. являлся важным направлением крестьянской эмиграции с территорий бывшей Первой Речи Посполитой [51, p. 23–51]. В 1920-е гг. также разрабатывались проекты польской колонизации африканских территорий [52, s. 71, 77–78]. Деятели Лиги основательно эксплуатировали романтический «миф о заморских колониях» [2].

В Лиге рассматривали два направления эмиграции в колонии: индивидуальное и массовое переселение. Индивидуальная эмиграция предполагала ограниченное освоение заморских владений небольшими группами колонистов. Зачастую эти переселенцы были профессионально подготовлены к ведению сельского хозяйства в колониях. Массовая эмиграция обеспечивала экстенсивное освоение колониальных территорий благодаря большому числу выходцев из перенаселенной сельской местности. Образцами индивидуального переселения в колонии для поляков служили бельгийское Конго, португальская Ангола и французский Мадагаскар. Массовая эмиграция изучалась на примерах итальянской Ливии и французского Алжира.

Объект и методы исследования. Объектом исследования являются польские оценки зарубежных практик переселения из метрополии в колонии. Предмет исследования представлен рецепцией во Второй Речи Посполитой индивидуального и массового переселения в заморские владения колониальных империй. Хронологические рамки ограничены периодом 1920-1930-х гг.

Методологически работа следует в русле новой имперской истории, оптика

которой позволяет рассматривать межвоенную Польшу в качестве империи. Изучается крупный массив польскоязычной периодической печати, не переведенной на русский язык.

Результаты и их обсуждение. Главным образом проблемы миграции в колонии освещались журналом «Може» («*Morze*»). Основными экспертами были журналисты Ян Розвадовский и Францишек Лып. Розвадовский составлял раздел «Колониальный обзор» с 1928 по 1930 г. В 1930-е гг. он писал заметки в разделе «Колониальная экспансия у иностранцев». Характерной чертой повествования автора являлось соединение аналитики и сообщений новостного характера. Иным был повествовательный стиль Лыпа, который составлял раздел «Колониальный обзор» с 1930 по 1934 г. В основном Лып писал фактографические новостные заметки. В «Може» также публиковались и аналитические статьи Лыпа, например, по проблематике колонизации Алжира и Анголы [29, s. 24; 30, s. 21–22].

В конце 1920-х и 1930-е гг. члены Лиги часто обращали внимание на колонизацию бельгийского Конго. Интерес к Бельгии не являлся случайным, поскольку бельгийская демографическая ситуация была сопоставима с польской: обе страны страдали от значительной «перенаселенности» [65, s. 31–32; 42, s. 12–13].

Впервые опыт эмиграции в бельгийское Конго был рассмотрен на страницах журнала «Може» в 1928 г. Розвадовский писал о проектах привлечения в колонию европейских переселенцев, что должно было решить проблему нехватки рабочей силы в аграрном секторе. Розвадовский видел в этом возможности для «польского колониального элемента», который мог бы принять участие в освоении Конго [55, s. 32; 58, s. 31].

Привлечение переселенцев связывалось с тяжелым экономическим положением колонии [48, s. 31; 35, s. 36], вызванного влиянием Великой депрессии [18]. В

середине 1930-х гг. польские авторы начали отмечать стремление бельгийского правительства к привлечению переселенцев исключительно из Бельгии. В марте 1934 г. Лып сообщил о бельгийском проекте переселения колонистов в конголезский промышленный район Катанга, где производилась молочная продукция. Это было призвано обеспечить независимость Конго от сельскохозяйственных поставок из португальской Анголы. Планы вызвали неприятие местных фермеров, по мнению которых «необходимо уже осевшим переселенцам оказать финансовую поддержку, чтобы они могли развивать свои хозяйства, а не привлекать новых переселенцев, которые в условиях нынешнего кризиса не смогут ответственно хозяйствовать» [34, s. 26].

Опасения фермеров, ранее осевших в Конго, отчасти сбылись. Польский автор, обозначавший себя как St. Vod., сообщил о видении перспектив освоения колонии бельгийским министром Эдмондом Руббенсом. Тот ратовал за переселение «как можно большего числа бельгийцев» в колонию, предлагая не «массовую эмиграцию», а «групповую переселенческую систему». Суть ее заключалась в обучении групп бельгийских переселенцев основам ведения тропического сельского хозяйства с последующим предоставлением в собственность 100 га земли. St. Vod. заключал, что Бельгия закрепляет присутствие своих граждан в Конго, предотвращая посягательства других стран [66, s. 30]. Представленные польским автором сведения подтверждались исследованием Международной организации труда в 1936 г. [27, p. 486, 489, 493]

В конце 1930-х гг. польские авторы позитивно оценивали бельгийский опыт переселения в колонию. В марте 1938 г. отмечалось, что бельгийское общество одобряло переселенческую политику правительства, поскольку она решала демографическую проблему Бельгии как «наиболее перенаселенной страны в

Европе» [65, s. 31–32]. Подчеркивалась успешность индивидуальной эмиграции в бельгийское Конго, способной обеспечить стабильность семейных хозяйств в колонии [25, s. 101]

Большой интерес деятели Лиги проявляли к опыту эмиграции в португальскую Анголу, соседний с бельгийским Конго регион [51, p. 85–97; 63, p. 113–160]. Весной 1928 г. Казимир Глуховский в статье «Ангола как потенциальная польская переселенческая территория» обратил внимание на благоприятную для переселенцев ситуацию в этой колонии: наличие крупных территорий, пригодных для сельскохозяйственной колонизации, возможности расширения хозяйств посредством аренды ввиду принадлежности земли португальскому правительству и крупным концессионерам, а не «туземцам» [13, s. 29].

Представление Глуховского о благоприятных для эмиграции ангольских условиях формировалось на основе «немецких расчетов, подтвержденных английскими, итальянскими и португальскими исследованиями». Глуховский ссылался на «известного английского путешественника и ученого, знатока колониальных отношений» Джона Стейтема [13, s. 29]. Польский автор цитировал его без ссылки на источник: «Вероятно, нет во всей Африке другой колонии, где было бы столько территорий, подходящих для европейской колонизации, которые настолько пригодны для экстенсивного зернового производства» [13, s. 29]. Эту цитату нам удалось обнаружить в работе Стейтема 1922 г. «Через Анголу, грядущую колонию». В ней британский исследователь по итогам своей экспедиции в Анголу писал об исключительных возможностях для европейских переселенцев. В цитируемом разделе Стейтем указывал на благоприятные условия для выращивания «хлопка, сахарного тростника и риса», а также некоторых других сельскохозяйственных культур.

Многообещающими представлялись и перспективы выхода на европейские рынки. Согласно Стейтему, для процветания Анголы необходимо допустить в колонию иностранные капиталы [67, р. 373]. Все это полностью соответствовало польским проектам эмиграции.

Схожим образом на страницах журнала «Може» ссылались на итальянского исследователя Анголы Дино Таруффи, чей отчет о ее колонизации «заслуживал особого внимания» [26, s. 22]. Вероятно, речь шла о работе «Плато Бенгела (Ангола) и его сельскохозяйственное будущее» 1916 г. [70] Научная ценность изысканий Таруффи вызывала вопросы в географическом сообществе. Американский географ Дервент Стейнторп Уиттлси в 1924 г. писал об исследовании Анголы Таруффи, как «в некоторой степени пропаганде для итальянских переселенцев» [71, р. 113].

Таким образом, прослеживается интерес деятелей Лиги к тем работам, в которых позитивно оценивались возможности колонизации Анголы. Однако вскоре обнаружили трудности эмиграции в Анголу. В отличие от восторженной работы Стейтема, где описывались перспективы массовой эмиграции в колонию португальских и итальянских переселенцев [67, р. 374], авторы Лиги с 1929 г. стали замечать проблемы в реализации таких проектов. Лып в статье «Экспедиция в Анголу (впечатления и идеи)» сосредоточился на проблематичности сельскохозяйственного освоения Анголы посредством массовой эмиграции. Он указывал на низкое качество наземных и морских коммуникаций, высокий стартовый капитал для создания собственного хозяйства (затраты порядка 10 тысяч долларов США, что согласно усредненному курсу 1929 г. составляло 89 тысяч злотых [36, s. 237]), необходимость привлечения значительного числа «черных рабочих» и использования дорогостоящей аграрной техники при отсутствии местных кредитов для фермеров [30, s. 21–22].

Лып представил картину жесткого португальского протекционизма в Анголе. Речь шла об отсутствии «институциональной помощи любому индивидуальному инициативному проекту европейского поселения» [15, 16]. По мнению Уильяма Кларенс-Смита, политика правительства Антониу ди Салазара в Анголе была связана с «непримиримой ксенофобской позицией в отношении иностранных капиталов» и стремлением защитить колонию от возможных посягательств извне [10, р. 1–2].

Редакция журнала «Може» подчеркивала сложности массовой эмиграции в Анголу, предостерегая читателей от доверия излишне оптимистическим оценкам колонизации в данном регионе и рекомендуя ознакомиться с более взвешенными соображениями Лыпа. Последний критиковал заметку «Из Анголы», опубликованную в газете «Курьер Варшавски» от 3 декабря 1930 г. Она была написана собственным корреспондентом издания Адамом Пашковичем, который находился в командировке в Анголе и подготовил цикл материалов для своей газеты. В критикуемой Лыпом заметке изображались крайне благоприятные условия для колонистов, особенно животноводов [43, s. 31]. Лып указывал, что португальское правительство выдвигает ряд невыгодных для аграрных производителей требований: обновление концессии каждые 15 лет, оплата лишь половины затрат на переезд португальских граждан из метрополии в Анголу, обязательность высоких показателей производительности хозяйства по прошествии трех лет [31, s. 26].

В изложении авторов Лиги Ангола являлась предпочтительным вариантом сельскохозяйственной колонизации лишь для состоятельных предпринимателей, способных покрыть расходы, связанные с протекционистскими требованиями португальского правительства [31, s. 26].

Отрицательный образ Анголы усугубляло ужесточение миграционных

норм в колонии в связи с высоким уровнем безработицы. В мае 1931 г. «Може» сообщило, что, согласно распоряжению генерал-губернатора Анголы, эмигранты, через 8 дней после прибытия в колонию не нашедшие работы или не имеющие «достаточных для иждивения средств», обязаны ее покинуть под угрозой репатриации [33, s. 30–31]. Подчеркивалось отсутствие «условий для проживания» рабочих, кустарей и мелких предпринимателей и организации ими сельскохозяйственного производства (упоминались затраты вплоть до 100 тысяч злотых на одно семейное хозяйство) [23, s. 32]. Тезис об ограниченности возможностей сельскохозяйственной эмиграции в Анголу повторился в августовском выпуске журнала [24, s. 30].

На наш взгляд, негативный прогноз сельскохозяйственного освоения поляками Анголы был связан с дипломатическим конфликтом Португалии и Польши в начале 1930-х гг. 28 декабря 1929 г. Лиссабон и Варшава заключили торговое соглашение, включавшее секретное положение об уравнении «экономических привилегий польских и португальских колонистов в Анголе». Однако к марту 1931 г. набрала обороты антипольская кампания в португальской прессе из-за вероятных притязаний Польши на Анголу и массовой эмиграции туда польских переселенцев. Отказ от договоренности обусловливался также давлением на Лиссабон Берлина в целях недопущения польского присутствия в Анголе [52, s. 83].

В дальнейшем польские авторы описывали Анголу как колонию, пригодную исключительно для индивидуальной эмиграции. Например, в апреле 1933 г. «Може» сообщало о льготных условиях для аграрной колонизации Анголы португальскими переселенцами. В связи с сельскохозяйственным кризисом в колонии и уменьшением там доли белого населения португальское правительство, по сообщению журнала, финансировало организацию хозяйств для 50

семейств португальских переселенцев и снизило тарифы на транспортировку аграрных товаров [49, s. 25].

Критически деятели Лиги отнеслись к проекту колонизации Анголы еврейскими переселенцами в середине 1930-х гг. Согласно Розвадовскому, речь шла о возможности создания в Анголе «автономного еврейского государства» под покровительством Лиги Наций. Негативно оценивались стремление Португалии к натурализации колонистов и предпочтение выходцев из Германии гражданам Польши [32, s. 23; 54, s. 20]. Последнее обстоятельство стало решающим фактором для критики проекта польскими авторами, которые подчеркивали, что немецкие евреи не готовы к фермерской работе [51, p. 188–226].

Итак, Ангола рассматривалась деятелями Лиги как заморская территория, пригодная для индивидуальной эмиграции. До начала 1930-х гг. в ней виделось идеальное место для переселения колонистов, в том числе польских. После дипломатического конфликта Варшавы и Лиссабона авторы Лиги начали критически воспринимать португальскую миграционную политику в Анголе, подчеркивая тяжелые условия проживания в этой колонии.

Практики индивидуальной эмиграции интересовали польских авторов и в случае французского Мадагаскара. Большое внимание этому острову уделялось в связи с биографией польского авантюриста Морица Бенёвского, самопровозглашенного короля Мадагаскара в XVIII в. История Бенёвского служила обоснованием польских проектов эмиграции [50].

На страницах журнала «Може» анализировались проекты освоения острова европейскими, китайскими и индийскими колонистами. Европейская колонизация Мадагаскара представлялась польским авторам затруднительной из-за «либеральной» политики Франции в отношении собственности малагасийцев [28, s. 154; 38, s. 28; 61, s. 35]. Европейские

концессионеры характеризовались как безответственные, поскольку большую часть года проводили за пределами острова [28, s. 119–120, 124]. Критическим было отношение Розвадовского к проекту китайской эмиграции ввиду «нежелательного человеческого элемента» [60, s. 27]. Это расистское представление укладывается в концепт «азиатской угрозы», который разделялся и французскими губернаторами Мадагаскара [17, p. 188–189]. Нейтральным было отношение деятелей Лиги к вероятной индийской колонизации острова [60, s. 27]. Многообразие проектов переселения на Мадагаскар говорило в пользу возможности индивидуальной эмиграции из Польши.

Важной вехой в изучении Мадагаскара стала экспедиция Мечислава Богдана Лепецкого в 1937 г. Целью экспедиции было исследование острова, имея в виду перспективу эмиграции из Польши. Речь шла не только об этнических поляках, но и о польских евреях, что обуславливалось антисемитскими настроениями во Второй Речи Посполитой [51, p. 201–209]. По итогам экспедиции Лепецкий критически отозвался о французских мерах колонизации острова. Франция не могла выделить «белой расе хотя бы часть острова для постоянного владения». В этом виделось отличие французской колониальной политики от британского опыта [28, s. 94–95].

Примеры бельгийского Конго, португальской Анголы и французского Мадагаскара показывают, что деятели Лиги критически оценивали практику индивидуальной эмиграции в колонии. Одобрение получило лишь ограниченное переселение бельгийских колонистов в Конго. Мы полагаем, что на это оказали влияние польские проекты морской экспансии. Наиболее критично польские авторы высказывались об иностранной эмиграции в те колонии, которые представляли интерес для Польши.

Массовое переселение польские авторы рассматривали на материале

французского Алжира и итальянской Ливии. Алжирский опыт был интересен деятелям Лиги в конце 1920-х – начале 1930-х гг. Преобладали негативные оценки французской колонизации. Несмотря на значительную долю французских переселенцев в Алжире, авторы Лиги считали, что колонистов слишком мало [19, s. 79–82; 29, s. 24]. «Белые люди» оказывались в «цветном море» – типичная для польского восприятия колониализма оценка [21, s. 172]. Эти тезисы противоречили массовому характеру переселения в Алжир. К 1936 г. там проживало до 1 млн колонистов при 6-миллионном арабско-берберском населении [7, p. 118].

Французская политика в Алжире представлялась непродуманной, поскольку на протяжении первых десятилетий XX в. число колонистов неуклонно снижалось [19, s. 80–82]. Этому, с одной стороны, способствовали тяжелые климатические условия Алжира. Географ Зыгмунт Керник писал в 1930 г.: «Алжир является слишком маленькой (sic! – О.М.) и убогой страной, чтобы стать колониальным пространством для большего числа переселенцев» [19, s. 88]. С другой стороны, на неудачи переселения в Алжир влиял антагонизм французов и коренных жителей [19, s. 88; 29, s. 24].

Польские авторы полагали, что французские колонисты не обладали компетенциями, необходимыми для освоения Алжира. Лып в 1935 г. писал, что французская администрация «не имеет собственного колонизаторского элемента, а дружественным Франции народам она не создает атмосферы, располагающей к колонизации» [29, s. 24]. Проводилась мысль о том, что поляки лучшие «первопроходцы», нежели французы [40, s. 70–71]. По мнению ряда деятелей Лиги, Польша и Франция могут создать «колониальный кондоминиум» в Африке, в рамках которого польские переселенцы на льготных условиях примут участие в колонизации Алжира [14, s. 43–44; 57, s. 19; 68, s. 22–23; 22, s. 28]. В этой связи

вспоминался замысел освоения поляками французского Алжира в 1832 г. [74, s. 19–20; 5, с. 35, 37] По всей видимости, критические оценки колонизации Алжира были обусловлены противодействием эмиграции поляков в Северную Африку.

Деятели Лиги не претендовали на переселение польских эмигрантов в Ливию. Это повлияло на то, что колония Италии стала в глазах польских авторов примером наиболее успешного массового переселения. Кроме того, в правых кругах межвоенной Польши были популярны идеи итальянского фашизма [1, 9, 37], что стимулировало интерес к колониальной политике Муссолини. Она заключалась в переселении тысяч итальянских колонистов на территорию Ливии. В результате к 1940 г. в колонии проживало порядка 110.000 переселенцев из метрополии [62, p. 184].

Интерес к итальянскому опыту возник в конце 1920-х гг., когда популярным стал тезис о необходимости регулирования миграции. Показательна заметка Розвадовского 1928 г., в которой цитируется фашистский журналист Франческо Коппола. Речь шла о вреде для итальянской нации «ежегодной заграничной эмиграции колоссальных масштабов». Вслед за Копполой Розвадовский видел решение итальянской демографической проблемы в колониальном расширении страны, благодаря которому стесненная «специфическими этнографическими условиями» нация «не задохнется на тесном Апеннинском полуострове» [56, s. 30–31]. Розвадовский рекомендовал использовать итальянский колониальный опыт во Второй Речи Посполитой, поскольку «после Италии наибольшая напряженность эмиграционного движения имеет место в Польше» [56, s. 31]. И в дальнейшем он придерживался мнения о необходимом регулировании эмиграции [59, s. 33].

Мнение об успешности фашистской политики регулируемой эмиграции в колонии разделял в 1936 г. автор журнала «Може» Владислав Ошельда. В статье

«Итальянцы за границами отечества» он одобрил эмиграционную и колониационную политику Муссолини, с которой связывал удовлетворение чаяний итальянского народа [41, s. 21–22].

В своей работе Ошельда сослался на исследование дипломата Романа Мазуркевича «Итальянская эмиграционная политика» [39]. В молодости Мазуркевич эмигрировал из Царства Польского и стал деятелем чикагской колонии. Интересующая нас работа была напечатана, когда он являлся генеральным консулом Польши в Риме. Следовательно, Мазуркевич был знаком с особенностями итальянской эмиграционной политики [64, s. 266–267].

Для Ошельды была важна цитата из работы Мазуркевича, где польский дипломат, основываясь на итальянской публицистике, излагал принципы эмиграционной политики Муссолини. Ошельда отметил, что «эмиграция народных масс, выезжающих в поисках работы, **является общественным злом** (выделено Мазуркевичем. – О.М.)» [41, s. 21; 39, s. 7].

Решением демографических проблем Италии, считали деятели Лиги, служит переселение колонистов в Ливию. В статье 1931 г. высоко оценивалась финансовая поддержка государством инфраструктурной базы колонизации (строительные работы, ирригация, лесонасаждения). Благодаря фашистской политике происходило «преображение Ливии в итальянский край». Впрочем, отмечались и большие трудности, к которым относились плохо поставленная пропагандистская работа, малая площадь пригодных для колонизации земель, вспышки малярии, неразвитые коммуникации [73, s. 38–39].

Более детальную критику содержала статья «Колонизация в Триполи» 1934 г. Ее автор полагал, что из-за сурового климата колонизация Ливии отличалась низкой эффективностью: «большие усилия – малые результаты». Неудачам способствовала и колониальная политика, в соответствии с которой государственные кредиты

выдавались крупным хозяйствам, а не мелким и средним фермерам. Выражалось сомнение в осуществимости цели Муссолини «сотворить из эмигранта колониста» [20, s. 18–19].

После 1934 г. в периодической печати Лиги не обнаруживаются негативных оценок переселения итальянцев в Ливию. В 1935 г. журналист Леонард Цвалина не критично оценивал Ливию как «сельскохозяйственную страну», способную принять 300 тысяч колонистов. Цвалина ссылался на статью американского историка Роберта Гейла Вулберта [11, s. 161], который симпатизировал политике Муссолини в Африке и основывался на сведениях и оценках фашистского правительства [72]. Таким образом фашистский нарратив об успешной колонизации Ливии проникал в польскую периодику.

Складыванию позитивного образа итальянской колонизации Ливии способствовал Роман Пётрович – специальный корреспондент журнала «Може» в Ливии во время визита в колонию Муссолини в 1937 г. Пётрович опубликовал на страницах этого издания целый цикл статей, посвященных сельскохозяйственному освоению североафриканских земель. Кроме того, он работал в польско-итальянском журнале «Полониа – Италия».

В первой своей статье «Итальянская колонизация в Ливии» Пётрович обратил внимание на вмешательство государства в колониальную экономику. Ему импонировал фашистский корпоративизм, который в ливийском случае выражался в привлечении колонистов в концессионные хозяйства, поощрении создания мелких хозяйств, кредитовании, оснащении сельскохозяйственной техникой и инфраструктурных проектах. Текст Пётровича сопровождался фотографиями процветающих ливийских хозяйств и успешных колонистов, что должно было произвести впечатление на польских читателей [44]. Таким образом Пётрович культивировал «миф о “добром итальянце”», который

откликнулся на призыв Муссолини мигрировать в Ливию [4].

В следующей статье «Колонизационный опыт Италии» Пётрович подробнее писал о социальной и политической сторонах итальянской эмиграции в Ливию. По его мнению, они были даже важнее, чем экономическая успешность проекта. Переселение в Ливию решало итальянскую демографическую проблему, обеспечивало связь колонии с метрополией, гарантировало безопасность заморского владения и повышало международный престиж Италии. Пётрович полагал, что аграрная колонизация Ливии является прогрессивной, указывая на удачное сочетание науки, опыта работы в тяжелых климатических условиях и «упорного труда итальянского колониста» [45, s. 20–21].

Опыт итальянской Ливии служил доказательством возможности рентабельных фермерских хозяйств в Африке. Он был «особенно важным для государств, обладающих значительной сельскохозяйственной эмиграционной силой и ищущих для нее выхода в колониальных владениях». Колонизация Ливии служила образцом для польской колониальной активности [45, s. 22; 46, s. 27; 47, s. 6]. При этом не упоминались репрессии в отношении коренного населения, что свидетельствует о большой политической ангажированности Пётровича.

В польской публицистике второй половины 1930-х гг. встречались и откровенные панегирики политике Муссолини в Ливии. Например, Марек Романьский (псевдоним писателя Романа Домбровского) говорил о фашистском диктаторе как о «римском императоре», благодаря которому успешно велся «неустанный, полный усилий бой с пустыней» [53].

Итальянский опыт переселения в Ливию живо интересовал деятелей Лиги и в конце 1930-х гг. В декабре 1938 г. «Може» опубликовало фотоколлаж Болеслава Суралло-Гайдучени с изображениями итальянских колонистов [69, s. [1]]. В марте

1939 г. в журнале была напечатана статья ливийского губернатора Итало Бальбо об их успехах [6].

Думается, что подробно освещаемая польскими авторами колонизация Ливии выступала приоритетной моделью освоения заморских территорий. В Италии виделся подходящий пример для Польши, которая проводила схожую парцелляцию хозяйств в 1920-е гг. [8]

Заключение. Таким образом, деятели Лиги в 1920–1930-е гг. неоднократно обращались к иностранному опыту переселения в колонии. Польских авторов интересовали практики индивидуальной и массовой эмиграции на заморские территории. Индивидуальное переселение оценивалось по большей части скептически. Сказывались неудачная, с точки зрения поляков, политика метрополий и тяжелые климатические условия. Негативное восприятие эмиграции в Анголу и на Мадагаскар отчасти объясняется притязаниями самой Лиги на эти территории. Среди практик переселения в колонии позитивно оценивалась лишь колонизация бельгийского Конго, осуществляемая получившими специальную

подготовку людьми.

Большой интерес авторы Лиги проявили к прецедентам массовой эмиграции в колонии тысяч переселенцев. Алжирский случай воспринимался скорее негативно, поскольку французский «колонизационный элемент», в отличие от польского, не обладал необходимыми для «первопроходцев» качествами. Колонизация итальянской Ливии считалась эталонным технократическим решением социально-экономических проблем метрополии: перенаселения и малоземелья. Одобрялось активное вмешательство государства в экономику.

Рецепция мирового опыта переселения в колонии была важным элементом проектов польской морской экспансии. Знакомство с эмиграционными практиками других стран вводило Польшу, как того желали деятели Лиги, в ряд колониальных держав. Предпочтительным образцом для Второй Речи Посполитой служила фашистская Италия. Несмотря на то, что поляки не смогли реализовать собственные колониальные проекты, есть основания говорить о значимости колониальной повестки в межвоенной Польше.

Список литературы

1. Матвеев Г.Ф. Зарождение фашистских тенденций в лагере польской национальной демократии (1919–1926 гг.) // Проблемы истории кризиса буржуазного политического строя. Страны Центральной и Юго-Восточной Европы в межвоенный период. М.: Наука, 1984. С. 117–139.
2. Мирзеханов В.С. Европейцы в колониях: стиль жизни и особенности менталитета // Вестник РГГУ. Серия «Международные отношения. Зарубежное регионоведение». 2014. № 18. С. 38–53.
3. Михин О.В. «Колониальные первопроходцы»: пропаганда Морской и колониальной лиги среди крестьян Второй Речи Посполитой // Славяноведение. 2025. № 1. С. 34–45.
4. Нестерова Т.П. Идея «итальянской идентичности» в колониальной политике Италии // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2014. Т. 5. Выпуск 4 (27). URL: <https://history.jes.su/s207987840000700-9-1/>
5. Прусская Е.А. Проекты колонизации Алжира в период французской оккупации (1830–1834 годы) // Новая и Новейшая история. 2021. № 6. С. 31–43.
6. Balbo I. Dwadzieścia tysięcy // Morze i Kolonie. 1939. № 3. S. 11–16.
7. Barclay F., Chopin C.A., Evans M. Introduction: Settler Colonialism and French Algeria // Settler Colonial Studies. 2018. Vol. 8. № 2. P. 115–130.
8. Wład M. Land Reform in the Second Polish Republic // Rural History. 2020. Vol. 31. № 1. P. 97–110.

9. Borejsza J. Rzym a wspólnota faszystowska: o penetracji faszyzmu włoskiego w Europie Środkowej, Południowej i Wschodniej. Warszawa: Książka i Wiedza, 1981.
10. Clarence-Smith G. Business Empires in Angola under Salazar, 1930–1961 // *African Economic History*. 1985. № 14. P. 1–13.
11. Cwalina L. Przegląd prasy zagranicznej // *Sprawy Morskie i Kolonialne*. 1935. № 1. S. 159–166.
12. Dmowski R. Myśli nowoczesnego Polaka. Lwów: Towarzystwo Wydawnicze, 1904 [tzn. 1903].
13. Głuchowski K. Angola jako ewentualny polski teren osadniczy // *Morze*. 1928. № 5. S. 26–29.
14. Głuchowski K. Z planem – dla jutra // *Morze*. 1930. № 2–3. S. 43–44.
15. Gonçalves M. Of Peasants and Settlers: Ideals of Portugueseness, Imperial Nationalism and European Settlement in Africa, c. 1930 – c. 1945 // *European Review of History*. 2018. Vol. 25. № 1. P. 166–186.
16. Heywood L.M. The Growth and Decline of African Agriculture in Central Angola, 1890–1950 // *Journal of Southern African Studies*. 1987. Vol. 13. № 3. P. 355–371.
17. Jennings E.T. Perspectives on French Colonial Madagascar. New York: Palgrave Macmillan, 2017.
18. Jewsiewicki B. The Great Depression and the Making of the Colonial Economic System in the Belgian Congo // *African Economic History*. 1977. № 4. P. 153–176.
19. Kiernik Z. Algier jako teren kolonizacyjny // *Kwartalnik Instytutu Naukowego do Badań Emigracji i Kolonizacji*. 1930. № 3–4. S. 23–92.
20. Kolonizacja w Tripoli // *Morze*. 1934. № 6. S. 18–19.
21. Kowalski M.A. Dyskurs kolonialny w Drugiej Rzeczypospolitej. Warszawa: Instytut Etnologii i Antropologii Kulturowej Uniwersytetu Warszawskiego, 2010.
22. Kronika kolonialna // *Morze*. 1930. № 1. S. 28–29.
23. Kronika kolonialna // *Morze*. 1931. № 5. S. 32.
24. Kronika kolonialna // *Morze*. 1931. № 8. S. 30.
25. Kronika morska i kolonialna // *Sprawy Morskie i Kolonialne*. 1938. № 3. S. 93–107.
26. Kronika Związku // *Morze*. 1928. № 7. S. 21–22.
27. Legouis J. The Problem of European Settlement in the Belgian Congo // *International Labour Review*. 1936. Vol. 34. № 4. P. 478–495.
28. Lepecki M.B. Madagaskar: kraj, ludzie, kolonizacja. Warszawa: Rój, 1938.
29. Łyp F. Algier i Francja // *Morze*. 1935. № 5. S. 24.
30. Łyp F. Ekspedycja do Angoli (wrażenia i spostrzeżenia) // *Morze*. 1929. № 12. S. 20–22.
31. Łyp F. Niezwykłe korespondencje z Angoli // *Morze*. 1930. № 12. S. 25–27.
32. Łyp F. Projekt osadnictwa żydowskiego w Angoli // *Morze*. 1934. № 2. S. 23.
33. Łyp F. Przegląd kolonialny // *Morze*. 1931. № 5. S. 30–32.
34. Łyp F. Przegląd kolonialny // *Morze*. 1934. № 3. S. 26–27.
35. Łyp F. Sprawy kolonialne // *Morze*. 1935. № 8–9. S. 36–37.
36. Mały rocznik statystyczny. Warszawa: Główny Urząd Statystyczny, 1939.
37. Marszał M. Polskie elity wobec włoskiego faszyzmu, 1922–1939 // *Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska*. 2011. № 1. S. 121–137.
38. Martonne E. de. Madagaskar (Dokończenie) // *Morze*. 1930. № 5. S. 23–28.
39. Mazurkiewicz R. Włoska polityka emigracyjna // *Polityka Narodów*. 1933. Z. 11. S. 3–22.
40. Oksza-Grabowski J. Afryka Francuska // *Morze*. 1929. № 2–3. S. 70–71.

41. Oszelda W. Włosi poza granicami ojczyzny // *Morze*. 1936. № 8. S. 20–22.
42. Pankiewicz M. Żądamy kolonji // *Morze*. 1935. № 5. S. 12–13.
43. Paszkowicz A. Z Angoli // *Kurjer Warszawski*: wydanie wieczorne. 1930. № 331. S. 11.
44. Piotrowicz R. Italska kolonizacja w Libii // *Morze*. 1937. № 5. S. 11–13.
45. Piotrowicz R. Kolonizacyjne doświadczenia Italii // *Morze*. 1937. № 6. S. 20–22.
46. Piotrowicz R. Rewizja mandatów kolonialnych // *Sprawy Morskie i Kolonialne*. 1936. № 1. S. 17–36.
47. Piotrowicz R. Światowe znaczenie libijskiego eksperymentu Italii // *Polonia-Italia: miesięcznik italo-polski*. 1937. № 7. S. 5–7.
48. Przegląd kolonialny // *Morze*. 1932. № 5. S. 30–32.
49. Przegląd kolonialny // *Morze*. 1933. № 4. S. 25–26.
50. Puchalski P. Pionier nie tylko kolonialny: działalność naukowo-popularyzacyjna Mieczysława Lepeckiego na przykładzie biografii Maurycego Beniowskiego // *Analecta. Studia i Materiały z Dziejów Nauki*. 2021. Vol. 30, z. 3. S. 171–187.
51. Puchalski P. *Poland in a Colonial World Order: Adjustments and Aspirations, 1918–1939*. London; New York: Routledge, 2022.
52. Puchalski P. Polityka kolonialna międzywojennej Polski w świetle źródeł krajowych i zagranicznych: nowe spojrzenie (1918–1945) // *Res Gestae Czasopismo Historyczne*. 2018. № 7. S. 68–121.
53. Romański M. W Libii z Benito Mussolinim // *Polonia-Italia: miesięcznik italo-polski*. 1937. № 4. S. 3–6.
54. Rozwadowski J. Ekspansja kolonialna u obcych // *Morze*. 1934. № 6. S. 20.
55. Rozwadowski J. Przegląd kolonialny // *Morze*. 1928. № 4. S. 31–32.
56. Rozwadowski J. Przegląd kolonialny // *Morze*. 1928. № 5. S. 29–31.
57. Rozwadowski J. Przegląd kolonialny // *Morze*. 1928. № 7. S. 19–21.
58. Rozwadowski J. Przegląd kolonialny // *Morze*. 1928. № 8. S. 30–32.
59. Rozwadowski J. Przegląd kolonialny // *Morze*. 1929. № 1. S. 32–34.
60. Rozwadowski J. Przegląd kolonialny // *Morze*. 1930. № 1. S. 26–28.
61. Rozwadowski J. Przegląd kolonialny // *Morze*. 1930. № 7. S. 33–35.
62. Segré C.G. *Fourth Shore: the Italian Colonization of Libya*. Chicago: University of Chicago Press, 1974.
63. Skulimowska M. *Polish Colonial Aspirations in Africa: the Maritime and Colonial League in Angola and Liberia, c. 1920–1939: Doctor of Philosophy (PhD) Thesis*. [Canterbury]: University of Kent, 2019.
64. Smolan K. *Urzednicy służby zagranicznej Rzeczypospolitej Polskiej, 1918–1945: przewodnik biograficzny*. T. 1. Warszawa: Ministerstwo Spraw Zagranicznych, Naczelna Dyrekcja Archiwów Państwowych, 2020.
65. *Sprawy Kolonialne* // *Morze*. 1938. № 3. S. 31–32.
66. St. Bod. *Sprawy kolonialne* // *Morze*. 1936. № 12. S. 30.
67. Statham J.C.B. *Through Angola, a Coming Colony: with 138 Illustrations, 2 Maps and 4 Charts*. Edinburgh; London: William Blackwood & Sons, 1922.
68. Sukiennicki H. *Sprawa osadnictwa polskiego we Francji* // *Morze*. 1929. № 6. S. 22–23.
69. Suraflo B. *Italia rozpoczęła w Libii akcję osiedleńczą...* // *Morze*. 1938. № 12. S. [1].
70. Taruffi D. *L'altipiano di Benguella (Angola) ed il suo avvenire agricolo: (dalla «Relazione della missione agricola italiana inviata in Angola» dal Sindacato Italiano per Imprese nell'Africa Occidentale)*. Firenze: Istituto Agricolo Coloniale Italiano, 1916.
71. Whittlesey D.S. *Geographic Provinces of Angola: an Outline Based on Recent*

Sources // *Geographical Review*. 1924. Vol. 14. No. 1. P. 113–126.

72. Woolbert R.G. Italy's Colonial Empire // *Current History*. 1935. Vol. 41. № 5. P. 542–548.

73. Z.Ł. Polityka kolonialna Włoch // *Morze*. 1931. № 6–7. S. 37–39.

74. Zieliński S. Pierwszy projekt kolonizacji emigrantów polskich // *Morze*. 1932. № 6. S. 19–21.

THE PERCEPTION OF THE FOREIGN EXPERIENCE OF COLONIZATION BY SETTLERS FROM THE METROPOLIS IN THE SECOND POLISH REPUBLIC

The Polish society, known for its resettlement traditions, showed great interest in the foreign experience of migration to overseas possessions. The perception of the foreign experience of migrant colonization in the Second Polish is particularly well traced in the texts of the activists of the Maritime and Colonial League. It was a massive pro-government organization whose goal was to establish Poland as a maritime power. The attention of the League's authors was drawn to the practices of individual and mass resettlement of Europeans to African colonies. Individual migration was characterized by the relocation to colonies of a small number of colonists, often professionally trained. Mass migration involved the colonization of colonies by numerous peasants from overpopulated rural areas, mostly without any special training in farming in African conditions. Supporters of Polish naval expansion were interested in emigration to the Belgian Congo, Portuguese Angola, French Madagascar and Algeria, and Italian Libya. Assessments of the experience of foreign countries were influenced not only by their development of overseas territories, but also by their attitude towards Polish colonization plans. The League's leaders showed particular interest in projects for the Polish colonization of Angola and Madagascar. The resettlement activity of fascist Italy was perceived most favorably in interwar Poland.

Keywords: Poland, Interwar period, Maritime and Colonial League, emigration, colonies, Africa

References

1. Matveev G.F. (1984) Zarozhdenie fashistskikh tendencij v lagere pol'skoj nacional'noj demokratii (1919–1926 gg.) [The Emergence of Fascist Tendencies in the Camp of Polish National Democracy (1919–1926)] // *Problemy istorii krizisa burzhuaznogo politicheskogo stroya. Strany Central'noj i Yugo-Vostochnoj Evropy v mezhvoennyj period* [Problems of the History of the Bourgeois Political System's Crisis. The Countries of Central and Southeastern Europe in the Interwar Period]. M.: Nauka. S. 117–139.

2. Mirzekhanov V.S. (2014) Evropejcy v kolonijah: stil' zhizni i osobennosti mentaliteta [Europeans in the Colonies: Lifestyle and the Specifics of the Mentality] // *Vestnik RGGU. Seriya «Mezhdunarodnye otnosheniya. Zarubezhnoe regionovedenie»*. № 18. S. 38–53.

3. Mikhin O.V. (2025) «Kolonial'nye pervoprohodcy»: propaganda Morskoj i kolonial'noj ligi sredi krest'yan Vtoroj Rechi Pospolitoj [«Colonial Pioneers»: Propaganda of the Maritime and Colonial League among Peasants of the Second Polish Republic] // *Slavyanovedenie*. № 1. S. 34–45.

4. Nesterova T.P. (2014) Ideya «ital'yanskoj identichnosti» v kolonial'noj politike Italii [The Idea of «Italian Identity» in the Italian Colonial Policy] // *Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal «Istoriya»*. T. 5. Vypusk 4 (27). URL: <https://history.jes.su/s207987840000700-9-1/>

5. Prusskaya E.A. (2021) Proekty kolonizacii Alzhira v period francuzskoj okkupacii (1830–1834 gody) [Projects of Colonization of Algeria during the Early French Occupation (1830–1834)] // *Novaya i Novejshaya istoriya*. № 6. S. 31–43.

6. Balbo I. (2018) Dwadzieścia tysięcy // *Morze i Kolonie*. 1939. № 3. S. 11–16.

7. Barclay F., Chopin C.A., Evans M. Introduction: Settler Colonialism and French Algeria // *Settler Colonial Studies*. 2018. Vol. 8. № 2. P. 115–130.

8. Bład M. (2020) Land Reform in the Second Polish Republic // *Rural History*. 2020. Vol. 31. № 1. P. 97–110.

9. Borejsza J. (1981) Rzym a wspólnota faszystowska: o penetracji faszyzmu włoskiego w Europie Środkowej, Południowej i Wschodniej. Warszawa: Książka i Wiedza, 1981.
10. Clarence-Smith G. (1985) Business Empires in Angola under Salazar, 1930–1961 // *African Economic History*. 1985. № 14. P. 1–13.
11. Cwalina L. (1935) Przegląd prasy zagranicznej // *Sprawy Morskie i Kolonialne*. 1935. № 1. S. 159–166.
12. Dmowski R. (1904) *Myśli nowoczesnego Polaka*. Lwów: Towarzystwo Wydawnicze, 1904 [tzn. 1903].
13. Głuchowski K. (1928) Angola jako ewentualny polski teren osadniczy // *Morze*. 1928. № 5. S. 26–29.
14. Głuchowski K. (1930) Z planem – dla jutra // *Morze*. 1930. № 2–3. S. 43–44.
15. Gonçalves M. (2018) Of Peasants and Settlers: Ideals of Portugueseness, Imperial Nationalism and European Settlement in Africa, c. 1930 – c. 1945 // *European Review of History*. 2018. Vol. 25. № 1. P. 166–186.
16. Heywood L.M. (1987) The Growth and Decline of African Agriculture in Central Angola, 1890–1950 // *Journal of Southern African Studies*. 1987. Vol. 13. № 3. P. 355–371.
17. Jennings E.T. (2017) *Perspectives on French Colonial Madagascar*. New York: Palgrave Macmillan, 2017.
18. Jewsiewicki B. (1977) The Great Depression and the Making of the Colonial Economic System in the Belgian Congo // *African Economic History*. 1977. № 4. P. 153–176.
19. Kiernik Z. (1930) Algier jako teren kolonizacyjny // *Kwartalnik Instytutu Naukowego do Badań Emigracji i Kolonizacji*. 1930. № 3–4. S. 23–92.
20. Kolonizacja w Tripoli // *Morze*. 1934. № 6. S. 18–19.
21. Kowalski M.A. (2010) *Dyskurs kolonialny w Drugiej Rzeczypospolitej*. Warszawa: Instytut Etnologii i Antropologii Kulturowej Uniwersytetu Warszawskiego, 2010.
22. Kronika kolonialna // *Morze*. 1930. № 1. S. 28–29.
23. Kronika kolonialna // *Morze*. 1931. № 5. S. 32.
24. Kronika kolonialna // *Morze*. 1931. № 8. S. 30.
25. Kronika morska i kolonialna // *Sprawy Morskie i Kolonialne*. 1938. № 3. S. 93–107.
26. Kronika Związku // *Morze*. 1928. № 7. S. 21–22.
27. Legouis J. (1936) The Problem of European Settlement in the Belgian Congo // *International Labour Review*. 1936. Vol. 34. № 4. P. 478–495.
28. Lepecki M.B. (1938) *Madagaskar: kraj, ludzie, kolonizacja*. Warszawa: Rój, 1938.
29. Łyp F. (1935) Algier i Francja // *Morze*. 1935. № 5. S. 24.
30. Łyp F. (1929) Ekspedycja do Angoli (wrażenia i spostrzeżenia) // *Morze*. 1929. № 12. S. 20–22.
31. Łyp F. (1930) Niezwykłe korespondencje z Angoli // *Morze*. 1930. № 12. S. 25–27.
32. Łyp F. (1934) Projekt osadnictwa żydowskiego w Angoli // *Morze*. 1934. № 2. S. 23.
33. Łyp F. (1931) Przegląd kolonialny // *Morze*. 1931. № 5. S. 30–32.
34. Łyp F. (1934) Przegląd kolonialny // *Morze*. 1934. № 3. S. 26–27.
35. Łyp F. (1935) Sprawy kolonialne // *Morze*. 1935. № 8–9. S. 36–37.
36. *Mały rocznik statystyczny*. Warszawa: Główny Urząd Statystyczny, 1939.
37. Marszał M. (2011) Polskie elity wobec włoskiego faszyzmu, 1922–1939 // *Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska*. 2011. № 1. S. 121–137.
38. Martonne E. de. Madagaskar (Dokończenie) // *Morze*. 1930. № 5. S. 23–28.
39. Mazurkiewicz R. (1933) Włoska polityka emigracyjna // *Polityka Narodów*. 1933. Z. 11. S. 3–22.
40. Oksza-Grabowski J. (1929) Afryka Francuska // *Morze*. 1929. № 2–3. S. 70–71.

41. Oszełda W. (1936) Włosi poza granicami ojczyzny // *Morze*. 1936. № 8. S. 20–22.
42. Pankiewicz M. (1935) Żądamy kolonji // *Morze*. 1935. № 5. S. 12–13.
43. Paszkowicz A. (1930) Z Angoli // *Kurjer Warszawski: wydanie wieczorne*. 1930. № 331. S. 11.
44. Piotrowicz R. (1937) Italska kolonizacja w Libii // *Morze*. 1937. № 5. S. 11–13.
45. Piotrowicz R. (1937) Kolonizacyjne doświadczenia Italii // *Morze*. 1937. № 6. S. 20–22.
46. Piotrowicz R. (1936) Rewizja mandatów kolonialnych // *Sprawy Morskie i Kolonialne*. 1936. № 1. S. 17–36.
47. Piotrowicz R. (1937) Światowe znaczenie libijskiego eksperymentu Italii // *Polonia-Italia: miesięcznik italo-polski*. 1937. № 7. S. 5–7.
48. Przegląd kolonialny // *Morze*. 1932. № 5. S. 30–32.
49. Przegląd kolonialny // *Morze*. 1933. № 4. S. 25–26.
50. Puchalski P. (2021) Pionier nie tylko kolonialny: działalność naukowo-popularyzacyjna Mieczysława Lepeckiego na przykładzie biografii Maurycego Beniowskiego // *Analecta. Studia i Materiały z Dziejów Nauki*. 2021. Vol. 30, z. 3. S. 171–187.
51. Puchalski P. (2022) *Poland in a Colonial World Order: Adjustments and Aspirations, 1918–1939*. London; New York: Routledge, 2022.
52. Puchalski P. (2018) Polityka kolonialna międzywojennej Polski w świetle źródeł krajowych i zagranicznych: nowe spojrzenie (1918–1945) // *Res Gestae Czasopismo Historyczne*. 2018. № 7. S. 68–121.
53. Romański M. (1937) W Libii z Benito Mussolinim // *Polonia-Italia: miesięcznik italo-polski*. 1937. № 4. S. 3–6.
54. Rozwadowski J. (1934) Ekspansja kolonialna u obcych // *Morze*. 1934. № 6. S. 20.
55. Rozwadowski J. (1928) Przegląd kolonialny // *Morze*. 1928. № 4. S. 31–32.
56. Rozwadowski J. (1928) Przegląd kolonialny // *Morze*. 1928. № 5. S. 29–31.
57. Rozwadowski J. (1928) Przegląd kolonialny // *Morze*. 1928. № 7. S. 19–21.
58. Rozwadowski J. (1928) Przegląd kolonialny // *Morze*. 1928. № 8. S. 30–32.
59. Rozwadowski J. (1929) Przegląd kolonialny // *Morze*. 1929. № 1. S. 32–34.
60. Rozwadowski J. (1930) Przegląd kolonialny // *Morze*. 1930. № 1. S. 26–28.
61. Rozwadowski J. (1930) Przegląd kolonialny // *Morze*. 1930. № 7. S. 33–35.
62. Segré C.G. (1974) *Fourth Shore: the Italian Colonization of Libya*. Chicago: University of Chicago Press, 1974.
63. Skulimowska M. (2019) *Polish Colonial Aspirations in Africa: the Maritime and Colonial League in Angola and Liberia, c. 1920–1939: Doctor of Philosophy (PhD) Thesis*. [Canterbury]: University of Kent, 2019.
64. Smolan K. (2020) *Urzednicy służby zagranicznej Rzeczypospolitej Polskiej, 1918–1945: przewodnik biograficzny. T. 1*. Warszawa: Ministerstwo Spraw Zagranicznych, Naczelna Dyrekcja Archiwów Państwowych, 2020.
65. *Sprawy Kolonialne // Morze*. 1938. № 3. S. 31–32.
66. St. Bod. *Sprawy kolonialne // Morze*. 1936. № 12. S. 30.
67. Statham J.C.B. (1922) *Through Angola, a Coming Colony: with 138 Illustrations, 2 Maps and 4 Charts*. Edinburgh; London: William Blackwood & Sons, 1922.
68. Sukiennicki H. (1929) *Sprawa osadnictwa polskiego we Francji // Morze*. 1929. № 6. S. 22–23.
69. Surałło B. (1938) *Italia rozpoczęła w Libii akcję osiedleńczą... // Morze*. 1938. № 12. S. [1].
70. Taruffi D. (1916) *L'altipiano di Benguella (Angola) ed il suo avvenire agricolo:*

(dalla «Relazione della missione agricola italiana inviata in Angola» dal Sindacato Italiano per Imprese nell'Africa Occidentale). Firenze: Istituto Agricolo Coloniale Italiano, 1916.

71. Whittlesey D.S. (1924) Geographic Provinces of Angola: an Outline Based on Recent Sources // *Geographical Review*. 1924. Vol. 14. No. 1. P. 113–126.

72. Woolbert R.G. (1935) Italy's Colonial Empire // *Current History*. 1935. Vol. 41. No. 5. P. 542–548.

73. Z.Ł. Polityka kolonjalna Włoch // *Morze*. 1931. No. 6–7. S. 37–39.

74. Zieliński S. (1932) Pierwszy projekt kolonizacji emigrantów polskich // *Morze*. 1932. No. 6. S. 19–21.

Об авторе

Михин Олег Владимирович – аспирант кафедры истории России новейшего времени Российского государственного гуманитарного университета. (Россия). E-mail: mikhin2000@list.ru

Mikhin Oleg Vladimirovich – PhD student of the Department of Modern Russian History of the Russian State University for the Humanities. E-mail: mikhin2000@list.ru